

От автора

Князь Юрий Долгорукий (1090–1157) известен как основатель Москвы. Уже за одно это он заслуживает вечной благодарности потомков.

Хотя, к сожалению, летописцы, а позднее некоторые историки, начиная от В. Татищева, не были справедливы в отношении Юрия Долгорукого и сделали все для того, чтобы обесславить его.

Факты же свидетельствуют о том, что Долгорукий был одним из выразителей народного стремления к единству нашей земли, боролся за это до самой своей смерти.

Боярство и церковники всячески мешали Долгорукому в его деятельности, выставляя против него таких послушных им князей, как Изяслав Киевский. Они не останавливались перед тягчайшими преступлениями, лишь бы только опозорить Долгорукого, не допустить его в Киев.

Сложилось так, что об этом периоде наши летописцы дают самые подробные сведения. Вся Киевская летопись, ставшая составной частью Ипатиевской, посвящена описанию борьбы Долгорукого с Изяславом. После внимательного сопоставления фактов и очищения их от наслоений, пристрастных оценок и несправедливых суждений эта 800-летняя история прочитывается сегодня как еще одно из свидетельств об извечном стремлении народов нашей необъятной страны жить в дружбе, согласии и единстве.

СМЕРТЬ ПЕРВАЯ

СУЗДАЛЬ

Киев был полон мягкого сияния. Оно лилось сверху, со спокойного осеннего неба, высоко вознесенного над киевскими горами, снизу навстречу ему поднималось сияние зеленое, а между зеленым и небесно-голубым тихо струилось-переливалось золото соборов, легко ложилась между ними первая желтизна листьев, это мягкое свечение словно бы проникало в душу, и невольно казалось, будто и сам ты, входя в этот город, становишься бессмертным.

Но Дулеб хорошо знал, что за этим спокойным сиянием неистребимо стоит свежее напоминание о смерти, случившейся в Киеве, — поэтому въезжал он в город без радости, а если бы имел возможность выбирать, то, наверное, охотнее отряхнул бы на город прах с ног своих по обычаю апостольскому, чем отправился по улицам, где еще неделю назад тащили тело убитого князя Игоря.

Дулеб не был апостолом, он был всего лишь княжьим лекарем приближенным, получил неожиданную власть не только над плотью князя, но и над его душой, и случилось так, что великий князь киевский Изяслав Мстиславович поставил Дулеба выше всех довереннейших бояр, воевод и тысяцких. И когда в походе против черниговских князей пришла вдруг весть об убийстве Игоря в Киеве, Изяслав тайно послал Дулеба гнать след в этом тяжком и кровавом деле.

Дулеб въезжал через Софийские ворота. Был утомлен и хмур, сияние киевское словно бы и не касалось

его, зато щедро проливалось оно на Иваницу, который с надлежащим почтением к своему хозяину ехал чуть-чуть позади, был, как всегда, беззаботно-улыбчивым, светел лицом и поражал каждого встречного несказанной чистотой своего взгляда.

Еще раньше они проехали Подольскую торговицу – это последнее печальное пристанище мертвого Игоря, куда привезли его после убийства с Горы на простом одноконном возу, – затем окуривались дымами Гончаровки, в нарочитой неторопливости пробирались сквозь смрад Кожемяк, – Дулеб выбирал самые нищие, самые грязные улочки нижнего Киева, так, словно бы стремился хотя бы этим искупить смерть князя. Иванице же всюду было одинаково, он точно так же сиял чистотой глаз своих повсюду, никакая печаль не понимала его, да и ничто на этом свете, казалось, не могло омрачить его ясную душу.

От Софии Дулеб повернул коня по той дороге, по которой тогда должна была лететь разъяренная толпа киевлян с намерением вытащить князя Игоря из монастыря святого Феодора и свершить над ним свой суд – скорый и неправый. Все указывало на то, что Дулеб вот так проедет через мостик перед воротами в старый Владимиров город, возле монастыря святого Феодора и Мстиславова княжьего двора, затем на Бабьем торжке придержит коня и, не заботясь о том, едет за ним Иваница или нет, повернет назад, чтобы проследить еще раз смертный путь князя Игоря, теперь уже не в обратном, а в истинном направлении, и быть может, пережить этот путь или же найти на нем начало следов, которые со временем он должен распутать до конца.

Собственно, Дулебу и незачем было кружить по этому кругу смерти. Он мог бы потом пустить по нему самого Иваницу, хотя тот, при всей своей видимой беззаботности и привычке не вмешиваться в дела своего хозяина, уже и так увидел все, что и должен был увидеть. Обо всем остальном не беспокоился: знал, что все вести, явные и тайные, сами придут ему в руки без малейших усилий, как это уже было не раз и не дважды, нужно лишь набраться необходимого терпения.

Но даже Иваница удивился Дулебу, когда тот не стал проследивать до конца смертный путь Игоря, не попытался также незамеченным скрыться в большом городе, а сразу же, как только проехал ворота Владимирова города, направился к воротам монастыря святого Феодора и изо всех сил ударил в деревянную колотушку.

Напрасным было бы ждать, что после недавних событий здесь охотно будут открывать каждому, и Дулеб поднял было руку, чтобы еще раз ударить в колотушку, но сбоку от ворот открылось скрипящее окошко и заросшее до самых глаз черной бородой лицо молча уставилось на пришельцев.

— К игумену Анании, — глухо произнес Дулеб и, заметив недоверие чернобородого монаха, добавил: — От великого князя Изяслава.

При этом он прикоснулся пальцами к золотой гривне Изяслава, которую имел на шее. Иваница радостно посматривал на бородатого монаха, с еще большей радостью смотрел он на своего хозяина и на его драгоценную гривну, такая улыбка суждена лишь тем, кто прибывает с вестями добрыми, поэтому монах, еще малость поколебавшись и похлопав глазами, загремел тяжелыми засовами на монастырских воротах. Он схватился лишь тогда, когда оба всадника так и въехали на монастырский двор верхом, не слезая с коней, будто половцы поганые. Хотел изречь нечто гневное, поднял руку, быть может и для проклятий, но Дулеб спокойно сказал ему:

— Закрывай ворота, чтобы никто не видел...

Так, будто перед этим весь Бабий Торжок не наблюдал, как они святотатственно въезжали в монастырь.

Все-таки Дулеб соскочил с коня, то же самое сделал и Иваница, но не из уважения к святому месту, а лишь из потребности размять затекшие от долгой езды ноги.

Привратник долго возился с тяжелыми засовами.

— Варяжские причиндалы, — следя за усилиями монаха, заметил Иваница, и трудно было понять — размышляет ли он вслух с самим собою или же обращает внимание своего хозяина. Но Дулеб и сам уже успел заметить все: и прочную стену, монастыр-

скую каменную, и тяжеленные из дубовых бревен ворота, и замысловатые запоры на воротах, и монастырские строения из серого, непривычного для Киева, камня. Только и было здесь киевского, что деревья; высокие, пышнолистые, развесистые деревья скрывали неуклюжесть монастырских каменных строений, но одновременно и подчеркивали их тяжеловесность, их чуждый для этой щедрой земли дух твердости, суровости, черствости.

Монастырь основал покойный великий князь Мстислав, сын Мономаха от Гиты, дочери английского короля. Уже у самого Мстислава было достаточно в крови северной суровости, да еще к тому же был он женат на дочери свейского конунга Христине, — вот почему, наверное, и возводились эти строения в соответствии с привычками князя и княгини, разыскивался где-то серый тяжелый камень, ломался и переправлялся по рекам в Киев, чтобы лечь вот здесь, в стены церкви, келий и служб, творить святость именно такую, какой она представлялась мрачным северным душам. Последнее пристанище свое великий князь Мстислав и княгиня Христина нашли в этом суровом прибежище, обоих похоронили в монастырской церкви; со временем должна была упокоиться здесь навеки вторая жена Мстислава, которая тем временем еще жила на княжьем дворе с сыновьями своими Владимиром и Михалком, но никто не думал, что неприступная эта обитель станет местом смертоубийства, в особенности же смертоубийства княжьего.

Казалось бы, человек, укрывшийся за этими камнями, за этими запорами тяжелыми, может навсегда отбросить заботы о собственной безопасности. На самом же деле вышло так, что камень этот не спас князя Игоря, а, наоборот, словно бы лишил его возможности спастись, уклониться от угрозы, убежать от нападающих.

Ясное дело, можно было бы удивляться, как это удалось толпе так легко, быстро и просто прорваться в монастырь, но Дулеб не любил торопливости ни в чем, не хотел спешить и в таком новом для него деле, как установление истины об убийстве человека не простого звания.

— Теперь проводи нас в келию убиенного, — велел Дулеб привратнику, когда тот наконец управился со своими засовами.

Можно было бы спросить у него, так ли он хлопотал о своих запорах и в тот день, когда был убит князь Игорь, но сказано уже, что Дулеб не любил торопливости ни в каком деле, поэтому и не спрашивал ни о чем. Зато привратник раскрыл рот, видно для какого-то вопроса, но Дулеб, будто не хотел слышать его голоса, опередил его.

— Убиенного, — сказал он, — в келию убиенного князя Игоря, схимника вашего.

Путаясь в долгополой и, кстати, довольно новой рясе, монах провел их между деревьями, провел мимо церкви, мимо тяжелых, приземистых строений и молча ткнул рукой в направлении то ли еще какого-то здания, то ли просто вороха серых камней, затем отступил в сторону, с нескрываемым осуждением во взгляде следил, как эти двое ведут своих коней к месту святому издавна, а теперь еще и освященному мученической смертью бывшего хозяина.

— Останемся здесь, — бросил Дулеб монаху, — скажи отцу игумену об этом.

Он передал повод своего коня Иванице и пошел между деревьями к тому нагромождению серых камней, которое совсем еще недавно служило жильем для князя Игоря. Скит лишь внешне поражал дикой непривлекательностью, внутри же отличался неожиданной ослепительной белизной и уютом. Здесь было две маленьких кельи: прихожая и ложница. В обеих была простая, но удобная деревянная обстановка. На стенах — две маленькие иконки с изображением мук Христовых. Ничто не указывало на сановитость бывшего обитателя, разве лишь большая оленья шкура, небрежно брошенная на деревянный топчан в ложнице, да еще в углу прихожей два посоха из дорогого заморского дерева.

Все это Дулеб осмотрел мгновенно, вполглаза, ибо и осматривать, собственно, здесь было нечего, одновременно он оценил все удобства этого уединенного места для своего необычного дела, поэтому, когда в дверях появился игумен монастыря отец Анания, доверенный

великого князя знал уже твердо: они с Иваницей пробудут здесь именно столько, сколько понадобится для завершения дела, еще и не начатого.

Игумен более естественно выглядел в этих белых, чистых и тихих кельях, чем среди диких камней, наваленных между зелено-золотыми киевскими деревьями на монастырской усадьбе. Был он маленький, худой как щепка, белорукий, с тщательно подстриженной бородой; все в нем так и сверкало чистотой и вымытостью, на новехонькой черной рясе красиво лежал золотой, с самоцветами, крест на золотой же цепи, создавалось впечатление, будто перед Дулебом появился вовсе и не игумен монастыря, этой обители бедности, молитв и воздыханий, а высокий иерей церкви. Игумен поднял маленькую вялую руку то ли для благословения, то ли, быть может, наоборот, чтобы прогнать непрошеного гостя, и Дулеб точно так же, как перед этим поступил с монахом, желая предупредить речь отца Анании уже раскрыл рот, чтобы сообщить ему все о себе, но на сей раз более проворным оказался хозяин.

— Сказано уже, — как-то вроде бы брезгливо промолвил игумен и скривил губы, — знаю, что посланы великим князем. Но ведь кони...

— Здесь нам будут надобны, — твердо сказал Дулеб, возненавидев игумена за одно лишь искривление его губ и с трудом подавляя желание швырнуть ему в лицо десяток страшных вопросов, на которые у того не могло быть ответов.

— Не ведаю токмо, — снова начал было игумен и снова прервал его речь Дулеб:

— Зовусь Дулеб, приближенный лекарь великого князя Изяслава, а это товарищ мой — Иваница.

— Слуга, — уточнил игумен.

— Товарищ, — твердо повторил Дулеб, — а также помощник в моем деле.

— Тут исцеляют души, а не тело, — напомнил игумен, по-прежнему не сходя с порога и, следовательно, еще не выражая своего отношения к посланцам.

— Не для лечения посланы мы, — промолвил Дулеб. — Надлежит нам пройти по следу смерти, что здесь случилась.

— Не здесь, — снова неприятно поморщился игумен. — В Киеве.

Дулеб подошел к нему, надвинулся своей грузной фигурой.

— Разве монастырь не Киев? — спросил он тихо.

— Здесь только деревья растут быстро и легко, как в Киеве, последовал ответ.

— А пороки?

Этим Дулеб уже откровенно намекал на виновность монастыря, а то и самого игумена в том великом преступлении, которое свершилось в Киеве, намекал, быть может, и преждевременно и даже вопреки своему неторопливо-спокойному обыкновению, но слишком уж надменно держался игумен Анания и спешил выразить свое презрение к князьему лекарю. Презрения же Дулеб не терпел ни от кого.

Вот так и стояли они друг перед другом; впервые встретились, а уже враги до самой могилы, враги заклятые, упорные, пока беспричинные. Просто у каждого было какое-то положение в жизни, и он должен был по-своему его защищать, отсюда неуклонно рождалась враждебность. Это неважно, что оба они служили одному и тому же князю. Собственно, сам князь и послужил причиной их стычки, он не подумал, как это неуместно посылать одного своего слугу, скажем, слишком земного, телесного, проверять и выпытывать слугу небесно-духовного. Низшего он послал против высшего, а от этого добра не жди никогда.

Игумен Анания и не ответил на последнее слово Дулеба. Пренебрежительным молчанием он подчеркнул неуместность и непристойность вопроса. Стоял гордо выпрямившись, смотрел мимо Дулеба куда-то в пространство, смотрел в прошлое, видел там торжества высокие и не будничные, видел свое вознесение, когда великий князь Мстислав доверил ему сей монастырь княжий, где с тех дней бывали только люди значительные и славные вельми, потому что монастырь стал словно бы продолжением княжьего двора: здесь происходили не только моления, но и пиршества княжьи, в палатах игумена принимали гостей со всего света, и все это были лица княжьего, а то и королевского до-

стоинства, ведь известно же, что у великого князя Мстислава первой женой была Христина, дочь шведского короля Инга Стейнкельса, из уважения к высокому происхождению своей жены киевский князь детей от нее называл по-варяжски: сыну Изяславу дано еще второе имя Гаральда, дочерей назвали Малфрид и Ингеборг. Малфрид стала женой сына норвежского короля Сигурда, когда тот возвращался из крестового похода в землю ромеев через Киев. Овдовев, Малфрид вышла замуж за датского короля Эрика, а Ингеборг выдана была за брата его Кнута Лаварда, властителя славного торгового города Любек, откуда в Киев прибывали богатые послы с дарами и приношениями, и без конца восхваляли Мстиславова зятя, и гостили попеременно то у самого князя, то в монастыре святого Феодора в палатах игумена. Когда же умерла Христина, князь Мстислав взял себе в жены дочь богатого новгородского боярина Дмитрия Завидича, имел от нее сыновей Святополка, Владимира, Михалка и двух дочерей. Одна из них, Евпраксия, стала женой ромейского царевича Алексея Комнина, а другая была выдана за черниговского князя Всеволода Ольговича, доказавшего свою силу изгнанием из Чернигова своего дяди Ярослава, а после смерти Мстиславова брата Ярополка, который отверг всех Мономаховичей, князь сел и на стол Киевский, не забывая милостями своими монастырь святого Феодора и его игумена Ананию. Коротким было княжение и Игоря, брата Всеволода, а сразу после него сел в Киеве Мстиславов сын Изяслав; когда же Игорь попросил у Изяслава дозволения постричься в монастырь, то избрал опять-таки эту княжью обитель, не ведая, что отсюда пролегает путь в смерть насильственную, но это уже дела не людские, а божьи, вмешиваться в них никому не дано, в особенности же такими грубыми руками, как у этого княжеского прислужника, который нагло ворвался в монастырь со своим холопом, да еще и с парой коней, — вещь неслыханная и возмутительная.

Так стоял перед Дулебом игумен Анания, ощущая за собой ряды князей, королей, высокородных жен и детей, а еще имея своим покровителем бога, которо-

му служил в течение всей своей жизни, Анания стоял спокойно-уверенный, исполненный презрения к этому человеку, который хотя и имел высокие полномочия от князя, но были они временные, на земле же временное не имеет значения, — ценится лишь постоянное, которое так или иначе соприкасается и с вечностью.

Дулеб чувствовал свое превосходство в простых и будничных делах и хорошо ведал, что ничего более важного ныне в Киеве нет и быть не может. Ибо впервые в истории этого великого города убит князь, убит беспричинно, позорно и унижительно, убит, собственно, уже и не князь, ибо Игорь, став монахом и приняв схиму, потерял власть и значение. Следовательно, убийство было таинственно-загадочным, никак не укладывалось в обычные представления о киевлянах, этих вольных и гордых людях, которые впускали к себе князя какого хотели, могли и выгнать из города нежелательного князя, будь он даже сыном великого Ярослава, как это было некогда сделано с Изяславом Ярославовичем; могли разгромить дворы княжьих прислужников, надоевших своей жадностью и неправдами; могли, пренебрегая рядом и старшинством, призвать к себе князя, который был люб их сердцу, как это учинили они с Владимиром Мономахом, за которым послали в самый Переяслав, еще и пригрозили при этом, что ограбят все монастыри, ежели он откажется занять высокий стол. Всё могли гордые и независимые киевляне, но чтобы вытаскивать из монастыря большого бывшего князя, найти его даже в монастырской церкви, перед иконой божьей матери, бить уже здесь, в святых стенах, вести к воротам, бить в воротах, тащить через Киев, бить до смерти... Кто бы мог объяснить все это и как?

Почему в день убийства не заперты были, как всегда, монастырские ворота? Где был игумен Анания, когда убийцы врвались в монастырь и в церковь? Почему не встал перед толпой и не остановил наглецов словом божьим?

Но Дулеб молчал точно так же, как и игумен. Каждый из них ощущал свою силу, каждый был уверен в собственном превосходстве, но, вместе с тем, оба знали: этой смертью в Киеве они прочно связаны друг с дру-

гом. Поэтому приходилось принимать все то, что было, не пытаясь до поры до времени что-либо изменить.

Игумен уступил первым.

— Велю, чтобы коней накормили, — сказал он.

Но Дулеб ни в чем не хотел быть зависимым:

— Об этом позаботится Иваница.

А ночью случилось необъяснимое.

Имея в прихожей верного Иваницу, Дулеб спал крепко и спокойно. Снилось ему или не снилось, а среди ночи кто-то громко кричал: «Кузьма! Кузьма!» — Дулеба тоже звали Кузьмой, хотя никто, собственно, и не знал его имени, для всех он был просто Дулеб или же лекарь. Но вот пришло к нему словно бы самое детство, возвратились далекие годы с берегов Днестра и, пробившись сквозь крепчайший сон, вызывали из каменного скита на вольную волю, вызывали голосом сильным, выкриком молодецким, и Дулеб никак не мог взять в толк — снится это или происходит наяву.

Наконец он проснулся и отчетливо услышал: «Кузьма!» Голос грубый и незнакомый. Ему должен был бы ответить Иваница, раз уж выкрики раздавались где-то у самой двери, но Иваница почему-то молчал, хотя спал всегда чутко, будто птица на ветке. А невидимый человек снова позвал: «Кузьма!» — и Дулеб не выдержал, вскочил с деревянного узкого ложа, подбежал к двери, коротко откликнулся: «Кто?» Спрашивал коротко не от страха, а из-за того, что не проснулся еще окончательно. У него не было времени прикоснуться рукой к топчанчику в передней (где же Иваница? Неужели спит так крепко?), поскорее толкнул дверь, хотел еще раз бросить в ночь свое резкое: «Кто?» но не успел, потому что в дверь с той стороны что-то ударило с силой страшной и короткой и словно бы вонзилось в доски таким острым и так глубоко, что Дулеб невольно почувствовал, будто это неведомо-острое вонзилось ему в грудь. Так оно, видно, и должно было быть, да только толстые дубовые двери стали его защитой. И снова не успел он даже испугаться, не прятался за дверь, а выскочил во двор и потянулся рукой туда, где только что послышался удар.